

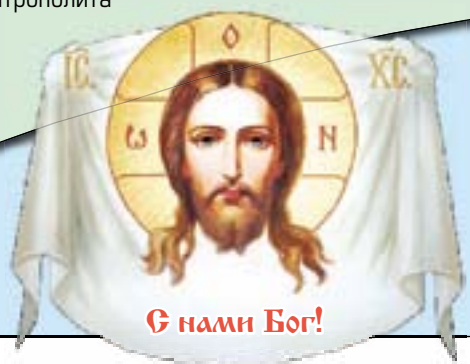

ЖИЗНЬ

во Христе

— СЛОВО О ВЕРЕ

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего
Валентина – Митрополита
Оренбургского
и Бузулукского

№ 23 (317)
Декабрь 2010 г.

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ОСУЖДЕННЫМ?

«Изверги», «нелюди», «отморозки», – так обычно именуют в светской прессе тех, кто приговорен к лишению свободы за тяжкие преступления. Даже по одним этим наименованиям можно сделать вывод о том, каково в целом отношение к этим осужденным в обществе. Потому и неудивительно, что, когда заходит речь о помощи заключенным, люди не церковные недоумевают: помогать одиноким старушкам, детям сиротам, инвалидам – это хорошо и правильно. Но помогать убийцам, на совести которых не одна загубленная человеческая жизнь? Помогать им, осужденным обществом за преступления против него, зачем?

Такие недоумения не-удивительны. Светская мораль никогда не достигнет высоты христианских заповедей. И каким бы праведным ни был светский человек (по светским понятиям о праведности), христианство призывает его к значительно большему. Оно призывает его к той высоте, на которую может возвести человека только благодать Божия. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – говорит Христос. Бог есть совершенная любовь, в которой нет ни холодности, ни равнодушия, ни, тем более, неприязни и ненависти ни к кому. И как бы низко ни пал человек, Бог никогда не умалит Своей любви к Нему. Непостижимым Своим Промыслом будет Он вести человека к покаянию и спасению. Бог «благ и к неблагодарным и злым». И милосердия и любви к каждому человеку, независимо от его грехов, ждет Он и от верующих в Него.

Да, полюбить преступника, убийцу, пусть даже и раскаявшегося в содеянном, совсем непросто. Нелегко даже попытаться устранить одно из основных препятствий к любви – научиться не осуждать его. Но, может быть, некоторые рассуждения о жизни этих людей несколько изменят нашу точку зрения о них? В самом деле: каково было их воспитание, какова была среда, в которой они росли? Каковы были обстоятельства их жизни? А их наследственность? И еще то, что относится к тайне призвания человека Богом к вере?

Нет, я не оправдываю тяжких преступников, представляя их бедными и несчастными людьми. Однако, если мысленно поменяться местами с любым из них, поменяться всем:

наследственностью, воспитанием, обстоятельствами жизни, той мерой благодати, которая была им дана. Может ли тогда кто-нибудь утверждать, что он не совершил бы того, что совершили они?

Н а л и ч и е большого числа грамматических ошибок, детский неровный почерк – все это сразу бросается в глаза при чтении писем пожизненников. Некоторые признаются, что их образование – 4-5 классов. Спрашивается: кто были их родители? Где они жили, что даже не выучились грамоте?

«Мать моя жива, хотя и находится в катастрофическом положении из-за своего аморального образа жизни», – читаю в одном из писем. – «Отец же удавился в 1998 г. Сам я до одиннадцати лет жил у бабушки, часто убежал из дома, воровал. В 12 лет попал в спецшколу, а оттуда к матери, которую бабушка заставила принять меня. Хотя лучше бы меня сдали в детдом...»

От хорошей ли жизни ребенок убежал из дома? И какой была его мать, если он предпочитал жизни с ней жизнь в детском доме?.. И подобные судьбы у многих и многих заключенных.

Суд Божий, к счастью, – не суд человеческий. В отличие от людей, Бог знает все о человеке, и Он все учтет. Только Ему известна и глубина покаяния человека. А потому суд Божий может быть совсем неожиданным для нас. «Истин-

Суд Божий, к счастью, – не суд человеческий. В отличие от людей, Бог знает все о человеке, и Он все учтет. Только Ему известна и глубина покаяния человека, равно как и то, насколько человек вообще способен к глубокому покаянию. А потому суд Божий может быть совсем неожиданным для нас.

но говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю», – сказал Господь благоразумному разбойнику. Человек же этот был отнюдь не разбойник из детских сказок. «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли», – сказал он. Если же этот разбойник считал себя достойным таковых мучений, значит, и преступления он совершал действительно серьезные.

Со временем благодать Божия так преображает уверовавшего и раскаявшегося преступника, что он становится совсем другим человеком. Все свое страшное прошлое он вспоминает как ужасный сон и являет собой пример подлинного глубокого смирения и христианского отношения к скорбям. И Господь посылает ему Свою благодать и согревает его и утешает.

О чем пишут мне заключенные? Нет, они редко делятся своим адом в душе. Напротив, своей радостью о Господе и благодарностью Ему. В некоторых письмах – одно славословие Бога. Заключенные прославляют и благода-

рят Бога за то, что нашли Его, пусть даже здесь, но нашли. Они благодарят Его за все скорби, что Он попустил им претерпеть, за каждое малое утешение, за то, что Он не оставляет их без Своей помощи и дает им надежду на будущую блаженную жизнь. Разве это не пример подлинно христианского отношения к скорбям и поведения в страданиях? Особенно нам, скорым на ропот и при малейшей скорби в нашей жизни?

Когда я читаю в письмах узников слова искренней благодарности Богу за все, я думаю, что одна эта благодарность является уже

очевидным доказательством истинности бытия Божия. В самом деле: кто, как не Бог живой, утешает их и радует? Их – не имеющих более никаких земных утешений? И не только не имеющих, но и вообще, стесненных отовсюду, живущих в крайней нужде при строжайшем режиме заключения?

«Склонен к побегу» – такую надпись можно прочитать почти на каждой табличке, прикрепленной у камер пожизненных узников. Но те из них, кто всей душой уверовал во Христа, уже давно не склонны к побегу. Они живут уже иной жизнью, обращенной к вечности. Там, в вечности, они ожидают освобождения и подлинной свободы. И Христос, я уверен, не посрамит их надежд и упования.

Диакон Кирилл МАРКОВСКИЙ.

Молитва об узниках

Господи Иисусе Христе Боже наш, святого Апостола Твоего Петра от уз и темницы без всякого вреда свободивый, приими от нас, недостойных рабов Твоих, усердное моление сие, и, проств нам все согрешения наши, помня рабов Твоих (раба Твоего) *имярек*, в темницу всаженных (всажденного), даруя им (ему) оставление прегрешений их (его), и молитвами святого первоверховного апостола Петра, святого праведного Симеона Богоприимца и святого праведного Иосифа Прекрасного, яко Человеколюбец, всемогущий Твоею Десницею от всякого злого обстояния их (его) избави и на свободу изведи. Яко милостив и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

НОВОСТИ-ФАКТЫ-СОБЫТИЯ

Задачи Синодального отдела по тюремному служению Русской Православной Церкви

МОСКВА. В Русской Православной Церкви создан Синодальный отдел по тюремному служению. Федеральной службой исполнения наказаний РФ подписано соглашение о сотрудничестве с ведущими религиозными организациями России. Руководство ФСИН не против появления в российских тюрьмах штатных священников.

Председателем Синодального отдела по тюремному служению РПЦ назначен епископ Красногорский Принарих. Владыка рассказал о роли Церкви в духовном окормлении заключенных и задачах новосозданного Синодального отдела.

«Назначение нового отдела состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить духовно-просветительскую деятельность в местах лишения

тически во всех епархиях нашей Церкви, в России будет координироваться Синодальным отделом Московского Патриархата по тюремному служению.

Процесс исправления человека долгий и не ограничивается только отбыванием наказания. Нужно думать и о том, чтобы заключенные, выходя на свободу, имели возможность реабилитации и возвращения в гражданское общество. Когда человек совершает первые шаги, ему надо помочь найти свое место в гражданском обществе. Ему нужно освободиться от того негативного груза, который поневоле человек приобретает в местах лишения свободы, и помочь ему не попасть снова в руки криминальных структур.

Для отбывшего наказание и вышедшего на свободу человека необходима система реабилитации.

(ограничения) свободы и духовно-пастырское окормление не только самих заключенных, но и сотрудников различных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), исповедующих Православие.

Процесс усовершенствования положения тюремного духовенства в этой системе изменяется со стороны ФСИН экспериментом. Однако для нас это не эксперимент, потому что Русская Православная Церковь и ее священнослужители давно уже осуществляют духовно-пастырское окормление в колониях и других местах лишения свободы на добровольной основе и накопили богатый опыт служения среди заключенных. Новизна сегодняшнего процесса состоит в том, что для Церкви появляются не только возможности служить в тюрьмах приходским священнослужителями, несущим послушание на приходах, но и создать самостоятельный институт тюремных священников - тюремных капелланов, главной задачей которых должно стать служение только в местах лишения (ограничения) свободы.

Православное тюремное служение, которое присутствует прак-

Создание Синодального отдела тюремного служения - это первый шаг на пути объединения священников, которые уже давно трудятся в этом направлении, и это первые попытки объединить их в единую вертикаль, как это было в дореволюционной истории Русской Церкви.

Ведь не каждый священник может служить на постоянной основе в тюрьмах, как и не каждый может служить в Вооруженных силах или, к примеру, быть больничным священником, потому что кто-то не выносит вида крови или слишком эмоционально воспринимает болезни и страдания людей. У одного священника присутствует научный склад ума, а у другого - практический. Поэтому одной из основных наших задач является содействие епархиальным в подборе и подготовке тюремных священников к тюремному послушанию, которое им придется нести в местах лишения свободы не временно, а на постоянной основе. Для этого необходимо создать дополнительное к семинарскому специальное образование».

Каждый четвертый взрослый мужчина в России - бывший заключенный

МОСКВА. Россия занимает второе место в мире (после США) по количеству заключенных на душу населения. Каждый четвертый мужчина в России - бывший заключенный. Сейчас в местах лишения свободы, по разным источникам, находятся около 940 тысяч человек.

Подавляющая часть лишенных свободы - не профессиональные преступники, а люди, оказавшиеся за колючей проволокой из-за бытовой неустойчивости, безработицы, пьянства, мелкого воровства, оставшиеся без крыши над головой.

Доля средств федерального бюджета, которую тратит Россия на содержание уголовно-исполнительной системы наказаний, - самая высокая в мире. Один осужденный обходится в год приблизительно в 30 тыс. руб-

лей, сюда входят питание, вещевое довольствие, коммунальные расходы, медицинское обслуживание, пособие при освобождении, оформление нового паспорта, расходы на погребение, если осужденный скончался во время отбывания срока. Средств, необходимых хотя бы для мало-маленьки пристойного содержания заключенных катастрофически не хватает. Тысячи российских заключенных умирают ежегодно от голода, туберкулеза, СПИДа, стресса и издевательств сокамерников и тюремщиков, задыхаются от кислородного голодания в переполненных камерах СИЗО.... Если кардинально не изменить ситуацию, то Россия в недалеком будущем может окончательно превратиться в страну вдов, сирот, бандитов действующих и бывших заключенных.

46000 человек не должны были попасть в СИЗО

МОСКВА. Около 19% всех арестованных в этом году в России людей не должны были попасть в СИЗО, считает глава Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) РФ Александр Реймер.

По его словам, всего с начала года в следственные изоляторы страны попали более 245 тысяч человек. При этом более 46 тыс. из СИЗО освободили в связи тем, что суд избрал им наказание, не связанное с лишением

свободы, либо оправдал. «Это люди, которые не пошли в колонию, не пошли в тюрьму. Эти 46,5 тысячи человек, которые составляли около 19% от числа арестованных, - это те люди, которым, образно говоря, в СИЗО делать было нечего», - сказал Реймер.

Вместе с тем, он отметил, что за 10 месяцев текущего года число вновь арестованных по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократилось более чем на 48 тысяч человек или на 16%.

Тюрьма в России станет гуманнее

МОСКВА. Правительство РФ утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., которая призвана улучшить жизнь заключенных. Государство готово заменить репрессивность, традиционно присущую этой сфере, на европейскую гуманность.

Согласно Концепции предусмотрен переход от коллективного содержания заключенных (колоний) к новым видам исправительных учреждений (тюрьмам), раздельному содержанию осужденных в зависимости от тяжести совершенных преступлений, а также расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Будет решена проблема перенаселенности помещений колоний. Если сейчас в среднем в каждом из них находится более 100 человек, то вскоре будет не больше шести осужденных. Изменения коснутся и режима пребывания. Заключенным разрешат свободно выходить на прогулки, работу, в спортзал, а двери камеры будут закрываться лишь в ночное время.

Либерализация уже заметна: в Забайкальском крае три арестанта, отличившиеся на уборке картошки, были поощрены отпуском домой.

Кроме того, тюремное ведомство страны заявило о начале массового внедрения электронных браслетов. Уже в будущем году под контроль с использованием высокотехнологичных устройств могут попасть до 15 тыс. человек. Электронные браслеты поднимут тревогу при любой попытке нарушить установленный режим.

Реформа коснется не только мест лишения свободы, но и всей системы исполнения наказаний. Предполагается, что последние будут заменены более гуманными карами. Преступника по возможности будут приговаривать к ограничению свободы, условному сроку, обязательным или исправительным работам, наконец, к обычному штрафу. Можно сказать, что суды уже положительно «отреагировали» на эту либерализацию: за 10 месяцев 2010 года в СИЗО поступило почти на 50 тыс. арестованных граждан меньше, чем за то же время в прошлом году.

СВЯЩЕННИК ПОДАЕТ РУКУ и начальнику, и вор

В Русской Православной Церкви учреждена новая синодальная структура - отдел по тюремному служению. Заключен договор по сотрудничеству между РПЦ и Управлением Федеральной службы исполнения наказаний РФ. До недавнего времени священникам, которые посещали места лишения свободы, приходилось совмещать тюремное служение с приходским. Теперь предполагается, что их приходами станут тюремные храмы.

В Оренбургской области руководителем епархиального отдела по тюремному служению назначен протоиерей Сергей Баранов - благочинный орского округа, настоятель храма св. вмч. Георгия Победоносца. Сегодня мы поговорим с батюшкой о роли Церкви в местах лишения свободы, о трудностях и задачах тюремного служения.

— Отец Сергей, как получилось, что вы стали ездить к заключенным, и как давно это произошло?

— Это произошло само собой. 15 лет назад у одной нашей прихожанки сын оказался в СИЗО, она попросила его посетить. Я посетил его, другого, третьего. И теперь вот уже 15 лет продолжаю это делать. Начиная с орского СИЗО, лет пять его окормлял, много работал с женщинами, малолетками. Изредка посещал другие колонии. Стал ездить в ИК-5 г. Новотроицка и вот уже почти 10 лет не оставляю своих ребят.

— Как вы отнеслись к назначению?

— Тюремной темой в Оренбургской епархии в последнее время занимался благочинный социального благочиния о. Александр Азаренков. Но, в связи с его большой загруженностью, встал вопрос о переназначении. Назначили меня, так как я уже давно этим занимаюсь и имею опыт работы с заключенными. Теперь под моей ответственностью духовное окормление всех исправительных учреждений Оренбуржья.

— Вам бывало страшно встречаться с арестантами, проводить службы на зоне? И какие чувства оставались от встреч с людьми?

— Не страшно. Дело в другом. Когда человек в первый раз переступил порог такого заведения, любой, наверное, чувствует дискомфорт. Может быть, даже не от того, что рядом с тобой преступники, а от окружающей атмосферы: замкнутого пространства, шелканья локалок, специфического тюремного запаха. Я его из тысячи узнаю - запах немых тел, квашеной капусты и еще чего-то непередаваемого. Конечно, первое время был большой дискомфорт в душе, подавленность. Бросалось в глаза, как сильно давит на человека пресс срока, и все это выплескивается в злобу, агрессивность. Отношения между заключенными неправильные, нехристианские. Там

каждый просто выживает. А это как в банке с пираньями: каждый другого кусает, чтобы выжить и вылезти. Это были мои первые впечатления, потому что они наиболее яркие.

Со временем начинаешь приходить в себя и понимать, что много прекрасных людей в этой системе, людей, которые попали сюда по глупости, недоразумению. Они действительно виновны, но, попав в колонию, раскаиваются. Есть, конечно, часть людей, которые вообще не считают себя виноватыми, такие живут от срока к сроку, и нет в них любви, правды, чистоты.

— Как к священнослужителям относятся работники исправительных учреждений? Не возникает ли каких-то трудностей с допуском, например.

— Относятся по-разному. Большое значение имеет человеческий фактор. Если встречается человек даже и неверующий, но деликатный, тактичный, то с ним хорошо работать. А бывают не только неверующие, но агрессивно настроенные. У меня был целый год, когда я не мог зайти в зону. Или, например, когда я мог по часу, по два стоять на холде перед колонией, не зная, пустят меня или нет. Иногда и не пускали. Один раз пришлось даже к начальнику зайти в кабинет для объяснений: «Я вас прошу только об одном: оцените, пожалуйста, время, которого мне катастрофически не хватает, - обратился я к руководителю. - Я вам говорю не ради хвастовства, но я отец шестерых детей, настоятель храма, благочинный, под моим началом приют, иконописная мастерская, строящиеся храмы, зона. И когда я просто стою здесь в ожидании по два часа, мне до слез жалко этого времени». После этого мне дали пропуск. Многие зависят от администрации учреждения. Но теперь, когда приняты официальные решения на государственном уровне, я надеюсь, руководители колоний будут относиться к священникам с большим пониманием.

— Сколько исправительных учреждений в Оренбургской области? Все ли окормляются православными священниками?

— В Оренбургской области две исправительные колонии общего режима, четыре - строгого, одна - особого для пожизненно заключенных, пять колоний-поселений, три следственных изолятора и одна воспитательная колония. Все учреждения окормляются священниками нашей епархии.

— Во многих ли построены церкви?

— На сегодняшний день действуют шесть молитвенных комнат, одна часовня, четыре церкви и ведется строительство одного храма.

— Батюшка, какую задачу вы ставите перед собой, занимаясь тюремным служением?

— Это, наверное, не катехизация. И, может быть, даже и не Богослужение в первую очередь. К заключенным я пытаюсь приехать просто человеком, но человеком, который живет другим мировоззрением, другой жизнью, другими интересами. Мне кажется, ни в коем случае нельзя заходить туда каким-то небожителем, оторванным от них. Надо, чтобы они почувствовали, что ты тоже просто человек. Но почему-то этот человек думает не так как ты, живет не так как ты. Это очень важно. Когда некоторые священники заходят только с Богослужением, с официальной проповедью, то это в какой-то мере работает, но...

Уже два года я езжу в Москву на семинары по тюремному служению. И все священники единодушны во мнении, что на зоне самое важное даже не любовь. Важнее иногда с заключенными просто чай попить и поговорить по-людски.

Есть, правда, и другая ошибка, когда священник пытается быть своим в доску, говорить, общаться в их манере. Это неправильно, не нужно заискивать. Таких у них - полная зона. Они между собой на эту

тему наговорятся. Люди ждут общения с искренним человеком. Пусть он будет другой, лишь бы не было фальши. Их человеческие отношения сильно натануты, поэтому они очень тонко чувствуют фальшь в зоне, раскусывают моментально. Там не обдуришь. А некоторые наивные пытаются какой-то театр там строить - это неправильно.

— Каждый ли священник может окормлять заключенных, и какими качествами должен обладать тюремный батюшка?

— Однозначно, не любой священник может заниматься тюремным служением. Человек этот должен быть очень осторожен в словах, в действиях, быть рассудительным, должен понимать эту систему. Иначе благими намерениями он там таких дел наделает... Нужно чувствовать, что заключенные находятся в непростых условиях, поэтому у них психология, отношения между собой очень сложные. Как я уже сказал, некоторые священники начинают панибратством заниматься, а некоторые слишком официально общаются. Так тоже не получится.

Бывают такие ситуации, что администрация хочет, чтобы священник был только их человек. А заключенные - чтобы только их. Так нельзя. И администрация и заключенные должны понимать, что священник - это человек Божий, который ко всем подходит: говорит и подает руку и начальнику, и вору и обиженому. Потому что он не в их рамках, не в их законе. Иначе он будет уже не священник.

Иногда благатым хочется видеть своего блатного батюшку. У меня были такие случаи. Я тогда спрашивал: «Слушай, тебе священник или клоун нужен? Настоящий священник или театр, марионетка нужна, которая под тебя будет что-то делать? Тебе Бог нужен или просто отношения какие-то?» Священник должен к Богу приводить, а не просто общаться. Он должен быть вне рамок: и административных,

и воровских.

— Сейчас заключен договор между Управлением ФСИН и Русской Православной Церковью о сотрудничестве. Есть ли в епархии священнослужители, которые могли бы работать в тюрьмах?

— Часть священнослужителей уже работала в этой системе, мы их знаем. Хорошо, что эта часть священников сама проявила интерес. Равнодушный все равно когда-то бросит. Например, я 15 лет ездил, меня никто не заставлял и указом не назначал. Это сейчас я имею статус, назначен официальным лицом. Часть оренбургских священников, которые раньше сами ездили, тоже сейчас закреплены за колониями. Теперь все будут работать официально по указам митрополита. Документы будут проверены в ФСБ, утверждены ФСИН, всем священникам выдадут постоянные пропуска в колонии. У меня, как руководителя епархиального отдела по тюремному служению, будет пропуск во все подобные заведения нашей области, даже в «Черный дельфин» в Соль-Илецке для пожизненно осужденных.

— Батюшка Сергей, расскажите, каково отношение заключенных к священнику на зоне?

— В большей массе - хорошее. Есть, конечно, часть людей совершенно равнодушных, и есть горсточка немирнолюбиво настроенных. Но в большей массе отношение хорошее. Безусловно, многое зависит от самого священника. Ни в коем случае не нужно их постоянно упрекать, нагружать осуждением. Конечно, необходимо к месту и напомнить, что они по делам своим приемлют. Но главное, в чем они нуждаются, - это в поддержке. Им нужно почаще говорить, что заключенный - такой же человек и даже в тюрьме можно быть прекрасными людьми. А потом выйти - и начать новую, дружную жизнь. Ведь есть же сотни таких примеров.

Окончание на 4-й стр.

СВЯЩЕННИК ПОДАЕТ РУКУ и начальнику, и вору

Окончание. Начало на 3-й стр.

— **Батюшка, а как происходят ваши встречи с людьми? Приходит тот, кто хочет или решение остается за администрацией колонии?**

— Когда я приезжаю, желающие приходят на Богослужение. В самом начале тюремного служения у меня было такое мнение: кто хочет — тот придет, кто не хочет — не надо. Потом моя точка зрения стала меняться. Я пошел по зоне, стал общаться и увидел, что потенциально моих людей там очень много. И не надо задира́ть нос: «хочет — придет», надо самому идти. Несомненно, приходится сталкиваться с некоторыми трудностями, но, слава Богу, есть уже определенные подвижки. Я поднимал этот вопрос на уровне администрации Оренбурга, и мне стали разрешать входить к заключенным самому. Это очень большое дело. Там много людей, которые готовы к диалогу, хотя́т меняться. К ним надо выходить. И выходить не официально. Как один администратор мне сказал: «Давай мы сейчас их всех в зал загоним — и общайся сколько хочешь». Так не получится. Нужна располагающая обстановка, чтобы говорить с людьми более душевно и доверительно.

— **Знакомитесь ли вы с личными делами осужденных?**

— Нет. Просто люди приходят, мы с ними общаемся.

— **Наверное, ближе всего вы узнаете своих подопечных на исповеди?**

— Когда я стал священником, первое время было тяжело исповедовать людей, потому что такой груз грехов нелегко пропускать через свое сердце. Но постепенно привык. Когда же попал на зону — все как будто заново началось. Там вообще кошмар, я раньше и не знал, что такие грехи бывают. Сейчас вроде бы уже и к этому привык. Но иногда кто-то из ребят, не раз исповедовавшихся, которые живут церковной жизнью, а не уголовным духом, пожелает прийти на генеральную исповедь. В подробностях слушаешь, очень тяжело становится морально, такие подробности бывают жестокие, циничные. Но и оборвать человека нельзя — ему надо высказаться.

У меня в жизни было два случая, когда на исповеди человек плакал и я рядом обливался горячими слезами. Один — когда исповедовалась блудница. А второй случай — на зоне. Казах, ставший христианином, исповедовался с девушкой-москвичкой. Она нашла православно́го, который, посмотрев дело, сказал, что можно попросить написать кассационную жалобу. Серафим подает один раз, другой — нет ответа. Де-

вушка посоветовала написать письмо в Оптину, взять у старца Илии благословение. Он так и сделал, благословение получил и вновь написал жалобу. Состоялся суд, и после пожизненного срока дали 25 лет. Так он так скакал, как будто попал в рай. Потому что пожизненно — это очень тяжело. Роста Серафим был маленького, на зоне его звали Пыхиком (пожизненным). Был такой общительный, кругом у него друзья, носки вязал, варежки. Потом перевелся в Читу, поближе к дому. Теперь надеется на досрочное освобождение.

— **Не секрет, что в тюрьму попадают невиновые люди. Чем можно утешить и как с духовной точки зрения объяснить человеку такую, каза-**

выгодно-не выгодно и что из этого получится.

— **Как заключенные относятся к верующим сокамерникам? Случаются ли на этой почве конфликты?**

— Конфликты бывают всегда. Кто-то над кем-то пошутил, укусил, тот промолчал в ответ, его еще куснули. Там постоянно такие отношения. Этот не отвечает — значит, его можно поддёргать побольше. Кто-то это делает от скуки, кто-то от злости. Вообще, когда свежий человек попадает в эту атмосферу, уже через месяц он начинает мыслить как толпа. Это следствие замкнутого круга общения: одни и те же люди вокруг, которые на одну и ту же тему думают, говорят.

— **Помимо исповеди и совместных молитв, чем еще занимаетесь с заключенными?**

— Заключенные у меня вяжут четки целыми мешками. Я им из Греции привожу крестики афонские, которые в четки вдеваются, бусинки, веревки. Они не только вяжут четки, но и Иисусову молитву читают. Могут вам целую лекцию прочитать по Иисусовой молитве, у них есть литература, библиотека хорошая. Ну и я с ними постоянно беседую. То есть они живут духовной жизнью, может, даже некоторым из нас фору дадут.

— **Куда же они девают такое количество четок?**

— Они просят, чтобы я каждый раз увозил их на Афон, раздавал монахам. А монахи там за них молятся. И здесь людям, кто занимается Иисусовой молитвой, я от них дарю эти

ЧЕМ ВЫ МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

ПРОДУКТАМИ:

печенье, конфеты, бульонные кубики, супы б/п, сухофрукты, лук, чеснок, орехи, семечки.

ВЕЩАМИ ЧЕРНОГО ЦВЕТА:

фуфайки, штаны, брюки, шапки цигейковые, носки, трусы, обувь простая зимняя и летняя.

ДРУГИМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ:

мыло, зубные паста и щетки, станки для бритья, крем для и после бритья, очки, кипяtilьники.

Православные христиане, желающие войти в переписку с заключенными, могут обращаться в редакцию.

лось бы, несправедливость?

— Можно даже и не с духовной, а с обычной человеческой точки зрения объяснить. Это уже случилось. Если у тебя ничего не получается исправить, все равно жить надо. Ну, не лезть же в петлю. В зоне и так трудно. А если ты будешь постоянно находиться под гнетом подобных мыслей, то станет еще хуже. Проживи это время хотя бы с минимальным вредом для души, психики, своего здоровья. Когда-нибудь ты все равно выйдешь на свободу. Поэтому сохрани свое здоровье ради будущего: для себя, для детей, семьи. Если что-то можно изменить, — изменяй, пытайся, но тоже без надрыва.

Священник не должен все время манипулировать только высокими духовными истинами. Человек может просто не понять его. Поэтому надо говорить по-человечески просто, даже иногда на уровне четки. Сначала один-два человека вязали, теперь все больше и больше. Сейчас уже в других колониях начали вязать.

— **Когда человек выходит из заключения, ему приходится непросто. Часто он к этому времени остается без семьи, без жилья, да и на работу устроиться сложно. Как вы считаете, на этом этапе церковь тоже должна им помочь?**

— По большому счету — да, должна. Но многое зависит от самого человека. Некоторые выходят в амбициях, что здесь им все что-то должны, они постоянно находятся в какой-то обиде на окружающих. И такие чаще не находят себя на воле, даже когда все условия для этого есть. А многие ребята, вот мои церковные, слава Богу, все пристроены. Церковные не теряются, постоянно приходят в храм, молодцы. Заканчивают институты, семьи заводят, работают, даже у кого

нет постоянного места, на временных работах трудятся. Кто-то через наш приют прошел после освобождения. Сегодня это уже десятки благополучных людей. Конечно, я не могу за всю колонию говорить, ведь я со всеми не общаюсь, там ведь очень много людей, со многими просто здороваемся. А плотно я общаюсь только с церковными.

— **Батюшка Сергей, вот некоторые люди убеждены, что можно помогать старикам, сиротам, инвалидам, но только не этим преступникам.**

— По большому счету — перед Богом мы все преступники. Если человек никогда не исповедовался, он может этого не понимать. Но странно это слышать от людей церковных, которые от исповеди к исповеди постоянно каются в грехах. Они — заключенные, может, более крайние. Но кто знает, что завтра будет?

Я однажды присутствовал при таком разговоре. В колонии меня провозжал арестант-староста, и в это время человек из администрации на него отреагировал в грубой форме. Заключенный спросил: «А что, по-человечески как-то нельзя сказать?». «Да ты не человек, ты — ээк!» — послышалось в ответ. Тогда староста проговорил: «Сегодня я, а завтра ты можешь быть ээком». И, действительно, я когда СИЗО посещал, была отдельная камера милиционеров, бывших сотрудников, а потом стало даже две камеры... Так вот эти бывшие работники тоже не предполагали, что могут там оказаться, и, скорее всего, так же к заключенным относились. Недаром говорится: «от сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Сегодня ты руководитель высокого ранга, а завтра — заключенный и никто вообще. Зона заключения — это иной мир и в определенной степени иные люди. Это своего рода государство в государстве, со своей уголовной «конституцией». Об этом мире мы почти ничего не знаем, не хотим знать, боимся знать, да и просто презираем. Такой уж сложился у нас стереотип отношения к людям, попавшим в тюрьму: они как бы заочно прокляты, отвергнуты нами, а главное — лишены надежды на прощение. От этого, уже за несколько месяцев до освобождения, многие из них начинают мучительно готовить себя к свободе, часто боясь ее больше, чем саму тюрьму. Особенно те, кто совершил тяжкое преступление — убийство.

— **Как мы, православные христиане, можем лично помочь этим оступившимся людям?**

— Миряне должны разделять труды священника. Также и труды тюремного священника. Нет оговорок, что «у меня нет такой возможности, как у батюшки». Скорее нет желания. Если вы не можете войти в зону, можно помочь какими-то продуктами, одеждой. Еще лучше включиться в переписку с заключенными.

Конечно, здесь сразу нужно оговориться, что есть среди арестантов аферисты, которым не столько переписка нужна, как выгода какая-нибудь от человека. Но здесь я могу подсказать, объяснить. А переписка с заключенными нужна. Это большая поддержка им — письмо с воли получить доброе, христианское.

Наши христианские добрые дела не должны ограничиваться только стенами храма, не должны создавать разделения на своих и чужих, достойных и недостойных. Мы не можем оставаться безучастными к людям, томимым в неволе. Проявление милосердия, любви и сострадания к ближнему должно быть главным делом христианина.

Татьяна БАЗИЛЕВСКАЯ.

Тюрьмы, пересылки, СИЗО... Везде горемычные судьбы, поразительно схожие по своей беде, разные только по причине, приведшей их сюда, и по статьям Уголовного кодекса. Сидят профессора, учителя, рабочие, бомжи, военные, Герои России, министры, артисты, художники... Такое впечатление, что сидит вся Россия — от Прибалтики до Сахалина.

Количество этих людей растет. Большинство из них при всех своих грехах хотят снисхождения, правды, воли, покоя. Все на это надеются. У многих были свои семьи, интересная работа, их ждали дома, но вдруг в одночасье все изменилось. Зона заключения — это иной мир и в определенной степени иные люди. Это своего рода государство в государстве, со своей уголовной «конституцией». Об этом мире мы почти ничего не знаем, не хотим знать, боимся знать, да и просто презираем. Такой уж сложился у нас стереотип отношения к людям, попавшим в тюрьму: они как бы заочно прокляты, отвергнуты нами, а главное — лишены надежды на прощение. От этого, уже за несколько месяцев до освобождения, многие из них начинают мучительно готовить себя к свободе, часто боясь ее больше, чем саму тюрьму. Особенно те, кто совершил тяжкое преступление — убийство.

Из писем осужденных: «...Маленький кусочек моего окна выходит на закат... Это, наверное, единственное, что я заслужил видеть в конце своей жизни. Закат можно видеть только несколько минут. Он бирюзово-изумрудный с кровавой каемкой у земли. Ты когда-нибудь видел бирюзовый закат? Я только и живу тем, что жду его круглые сутки. Вот уже шесть лет. И, наверное, всю оставшуюся жизнь. Мой закат будет не такого цвета. Я даже знаю какого. Очень грязного. Мне 52 года. Из них пятнадцать лет отсидел в тюрьмах... Я никогда не был в храме. Не знаю, как правильно подходить к иконе и ставить свечу, но после вынесения мне смертного приговора я понял: не надо быть умнее Бога...»

«...До меня в этой камере сидели двое заключенных. Оба — осужденные на двадцать лет. Они почти одновременно умерли через три года. Их «съел» туберкулез. Хотя нас здесь кормят не особенно хорошо, но все же продуктового голода нет. Эти мужики в своих письмах просили им что-то прислать, но наверняка не лакомство... Им просто никто не ответил. Как и многим другим. В конце у одного из них всегда была приписка. Он смущенно просил какую-нибудь книжку про любовь и открытку Валаамского монастыря».

Что такое тюремное заключение? Это своего рода юридическая епитимия, когда человека, согрешившего в миру, изымают из этой среды и заключают на определенный срок под стражу, чтобы он осознал свой проступок, излечился духовно и вышел в мир окрепшим, полезным обществу и близким. Так должно быть. Так хотелось бы. Но в жизни все далеко не так. Без священника и церкви все воспитательные действия безрезультатны и бессмысленны, как бы этого нам не хотелось.

Как-то один следователь поделился со мной наблюдениями, которые подвели его к поразительному открытию. Суть в следующем: после причащения Святых Христовых Таин у него значительно возрастает процент дознания при следственных действиях, более качественно происходят допросы обвиняемых. Он также не раз убеждался, что суд духовный за преступления часто наступает гораздо быстрее, чем суд уголовный.

Из откровения бывшего смертника: «...Когда-то я имел отношение к кинематографу... У меня есть мечта. Когда-нибудь снять документальный фильм из двух минут. Первая минута, где мы поргуемся в золоте и разврате и как ведем себя при этом. Вторая — как мы ведем себя в последние секунды перед расстрелом. Уверю всех: от этих кадров вразумилась бы не одна падшая душа... Я стал уметь в ожидании казни, которую ждал много месяцев... Конечно, в действительности этот фильм снять нельзя. Его смысл в том, что в этот миг надо показать глаза, а для этого придется открыть лицо. Не дадут. Может, и правильно. Не себя жалко. Мать. Она этого не переживет, а для моих близких наступят черные дни. Их изживут.

Еще прошу вас: не плойте на тюрьму. Здесь не все подонки. А лучше поставьте за нас безымянную свечу. В миру я Василий...»

В судьбе человека, осужденного по любой статье Уголовного кодекса, не может быть только его личной вины. Если проследить преступление от «корня» до справедливого возмездия, то есть от истока, «зачатия» греха до выстрела в камеру исполнения, мы найдем на этой линии жизни огромное количество виновных прямо или косвенно. Поэтому не надо смотреть на узника со злобой, ибо неведомо, кто по твоей линии будет сидеть в тюрьме за твои грехи. Земная тюрьма — это миллионное подобие ада, где вот так же томятся души наших поколений. Но у нас по сравнению с ними есть шанс — покаяние. Ни в коем случае нельзя лишать человека надежды на милосердие и прощение. Иначе это порождает еще более страшные действия. Милосердие поднимает на крыло и спасает душу, а если его нет — приводит к тяжелейшим последствиям целые поколения. Если нет надежды, то нарушается заповедь спасения через покаяние.

Из письма заключенного: «...До того, как меня доставили на чтение приговора, я думал, что я очень сильный и смелый человек, хотя чувство-

вал, что меня ждет «вышка».

Но по тому, как шел судья, каким тоном он взялся читать приговор, я понял, что меня расстреляют... Больше всего я боялся не самого расстрела, а его ожидания. И придумал, что сразу, как об этом скажут, перегрызу себе вены. По мере того, как я слушал чтение, мне становилось плохо. При словах «...к смертной казни...» я потерял сознание. Врачи откачали меня прямо в зале суда. Потом, когда меня доставили в камеру, я долго не мог говорить, к тому же временно оглох и за месяц сильно облысел...

Мне сидеть почти всю жизнь. Я убил человека в автобусе за то, что он на меня брезгливо смотрел. Тогда я ехал домой после двух смен на заводе и от меня сильно пахло мазутом. Мне было очень плохо, так как нам семь месяцев не давали зарплату, и я не знал, что сказать жене... Я оказался очень слабый человек. Теперь я это понимаю.

Моя мама умерла, когда мне было пятнадцать лет. Отец стал водить домой других женщин. Они были всегда пьяные, учили меня материться и рас-

сказывать нехорошие анекдоты. Меня угнетало, что они спят на маминой кровати, берут ее вещи. Когда пятая или шестая женщина надела мамино пальто — я ушел из дома. Отец меня не искал...

Жена обещала ждать меня, после первого свидания, по тому, как она прощалась, я понял, что она никогда не придет. Из-за моей вешности мне дали нехорошую кличку. Меня это сильно мучило. На воле я смеялся над теми, кто ходил в церковь. Теперь в неволе постоянно хожу сам. Меня там никто не обижает, батюшка называет по имени. У каждого на земле есть свой «пятанок» для души. Для меня им стал тюремный храм. Тело в тюрьме, душа — в церкви. Простите, я каждое предложение пишу с перерывом. Стесняюсь сказать, что плачу. А зовут меня Максим».

Братья и сестры! Хочу сказать вам: тюремное заключение, при всей трагичности происходящего, — это Божий Промысел. Прихожане тюремного храма и мирского заметного отличаются друг от друга. Уровень отчаяния, страдания и духовного потрясения мирян блекнет, по сравнению с таким состоянием у заключенных. Поэтому священник тюремный несет тяжелейший крест. Он должен обладать уровнем страдания и терпения, равным горю его непростых прихожан. Это, если хотите, воинский подвиг, битва за карабкающуюся из последних сил души. Некоторые исповеди выслушивать настолько тяжело, что с полным основанием можно сказать: «Тюремный священник — это высоконравственный и мужественный человек. Это лицо не только духовное, но и государственное». И если еще более объединятся тюремная администрация и Православная Церковь — это будет невероятное благо и для заключенных, и для служителей закона и для всех нас.

Тюрьма — это всенародное горе. И молитва за этих грешников тоже нужна всенародная. Недаром церковные ящички пожертвований в местах заключения — самые полные в России, забытые до отказа. Хочу привести изречение из Евангелия:

«...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю...»

А закончить хочу словами одного тюремного священника, который на вопрос заключенного: «Батюшка, а что такое чудо?» — ответил:

— Чудо? Чудо — это то, что ты принял сегодня Святое Крещение... И попросил прощения у отца с матерью.

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

Есть на «пятерке» - в колонии строгого режима г. Новотроицка – тихий, интеллигентный, совсем не похожий на преступника человек, который в 2002 году совершил убийство. И не одно. Из 20 лет тюремного срока отсидел только 8, и когда выйдет из заключения, ему будет уже восьмой десяток... На исповеди священнику он раскаялся в содеянном и начал новый отсчет жизни. Но ему хотелось, чтобы здесь, на воле, друзья и знакомые, а также те, кого он обездолил, знали: за колючей проволокой, переосмысливая прожитое, по-другому смотришь на многие вещи. И сам себе становишься судьей, даже более строгим. Вот что рассказал о своей судьбе Валерий Сопов.

Плоды своего времени

Как в биографии страны, так и в жизни многих людей заметный след оставили 90-е годы. Мы с другом Володей Кураевым были тогда у истоков фермерского движения в Орске. Нам в числе первых пришлось пробивать дорогу сквозь непреодолимые чиновничьи преграды. Местные власти не хотели выделять земли для частного хозяйства. Не помогла даже голодовка на Комсомольской площади перед зданием администрации. В областном центре тоже получили отказ. Тогда поехали в Москву. Нам предоставили 15-минутную аудиенцию с президентом страны Борисом Ельциным. Потом нас проводили к министру сельского хозяйства Виктору Хлыстуну, и он дал «добро».

Начали проводить кое-какие мероприятия, связанные с подъемом своего хозяйства. Чтобы иметь технику, посевной материал и так далее, взяли сосуду в банке – 25 тысяч рублей. Это большие деньги, ведь на дворе стоял 1991 год.

Дела шли на первых порах очень тяжело, вязко. Единомышленников – всего ничего, организации – никакой. Чтобы хоть как-то сохранить финансовый потенциал и в то же время рассчитывать с банком, параллельно занялись коммерцией. Вынуждены были ездить в Тольятти, покупать запчасти к автомобилям (тогда рынок был свободный) и в Орске перепродавать. Кроме того, связались с посредническими организациями. В Таганроге заключили контракт с одной греческой фирмой и перед Новым годом завезли в Орск огромное количество апельсинов и лимонов. Тогда для орчан это было настоящим чудом.

Появились оборотные средства, и ситуация стала поправляться. Тут, естественно, нашлись друзья, друзья семьи. Кто-то действительно радовался за нас и сам хотел

подняться, кто-то завидовал и был не прочь воспользоваться нашим успехом. Стали просить: Валера, дай, Валера дай! Валера – добрая душа... А мы под эйфорией удачи не сдерживали своей щедрости. Дальше в лес – больше дров. По прошествии 6-7 лет должники наши стали на ноги, сколотили свой бизнес. Но возвращать деньги не хотелось.

А тут 98 год. Черный вторник, обвал рубля. Наши небольшие сбережения погорели. Бизнес наш потерпел крах, и наступил момент, когда уже нечем было кормить детей. Пришлось идти на работу в трамвайное управление.

Но положение не улучшилось. Дома нет ничего, шаром покати. И в стране все хуже и хуже. Перестройка и вся государственная политика сломала многих людей. Вот и у меня поехала крыша. Даже в начале лихих 90-х, была возможность как-то выжить, остаться на плаву и не попасть сюда. А потом... вообще труба. Закрылись производства, обанкротились даже крепкие предприятия. Повыгоняли, сокращали людей. Зарплату не выдавали по три месяца... На что жить? Ни копейки за душой... Так же не могло продолжаться бесконечно. Надо было что-то делать. А у должников оставались мои деньги, причем немалые. Но

они продолжали тянуть резину: завтра, послезавтра, подожди погода, на следующий год... В итоге все поразбежались, один в Орске остался. Сначала он мне голову морочил, потом заартачился. Пришлось обманным путем вывезти его на объездную дорогу, и там с ним объяснились. Когда понял, что ни у кого ничего не отобью, захлестнула волна несправедливости, обиды, злости. Охватила какая-то безумная ярость. Холодная, равнодушная, жесткая. Хотел просто пригрозить, припугнуть обрезом, но он кинулся мне на шею, и я его пристрелил. А остальных – уже просто по инерции. Одного нашел под Оренбургом, другого в Самаре... Следователи не стали особенно разбираться. Посчитали, якобы это было нападение, разбой. Мотивацию перевернули с ног на голову и не церемонились со мной. Тем более, что один из потерпевших оказался родственником работницы прокуратуры. Хотя на преступление толкнула безвыходность. Считаю себя плодом своего времени.

Конечно, те, кто на свободе, осуждают меня. И поделом: я не давал людям жизнь и не вправе ее отбирать. Виноват. Не хочу на бесов сваливать. Но как-то все одно к одному получается. Как будто нечистая сила толкала меня к жертвам. Словно под руки все кто-то подсовывал. Оружие – пожалуйста. Машина – пожалуйста... Был в здравом уме, но разум на какое-то время, наверное, помутился. Не знаю, как я мог переступить черту. Не зря говорят: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Не

Вся жизнь кувыркот

Сейчас вот прокручиваю всю свою жизнь и вспоминаю множество невыполнимых утрат. Они преследовали, будто злой рок. Семья наша – из репрессированных москвичей. Папа отбывал срок на Магадане. Потом его отправили в Караганду. Там скоропостижно умер в 1951 году. Мама поехала в Москву, но нашу квартиру заняли. Она писала в министерство обороны, НКВД, обращалась к Ворошилову, но, к сожалению, все впустую. Поселились мы в Орске, где жила ее сестра. Мама осталась без средств к существованию с двумя пацанами на руках.

Росли в бедности, но с Богом в душе. Помню, как часто ходили мы с мамой в церковь на второй участок, а потом на Первомайку, где она пела на клиросе. Там и отпевали рабу Божью Лидию в 1998 году, когда она ушла в мир иной.

Рано умерла и моя первая жена, с которой мы вырастили двоих детей. А затем погиб сын, летчик военно-воздушных сил. Женился еще раз. Родилось двое малышей в 2001 и 2002 года. Но молодая супруга не смогла справиться с грузом материнских забот, и детей определили в детдом. Я к тому времени тоже оказался в казенном доме... Вот так вся жизнь кувыркот. Запутался в этом вихре житейских событий. А ведь могло быть все по-другому.

Вспоминаю, как немцы звали поехать в Германию, в кооперацию фермерских объединений. У меня ведь как с плечами Московский лесотехнический. И чеки предлагали сотрудничество. Не

сложилось по разным причинам... Оказавшись на распутье каком-то, двинулся не по той дорожке, и она привела к преступлению. Может, как-то надо было себя остудить, в церковь сходить...

Тюремные будни

Говорят, о Боге человек почему-то вспоминает лишь в трудные моменты своей жизни. Вот так случилось и у меня. В зоне потребность духовного обостряется. И когда попал сюда – в первую очередь решил исповедаться отцу Сергию Баранову. Он меня причастил. Стало чуть легче. Но все равно висит на душе камень. Облегчает душу и молитва. Посещаю все службы в тюремном храме. Благо батюшка часто приезжает. Читаю духовную литературу.

А жизнь за колючей проволокой довольно неоднозначная. Часто наблюдаю такую картину. Многие проявляют строптивость характера, начинают бороться с системой. Хотя ведь виноваты не те, кто нас посадил и кто должен рыться в нашем грязном белье. Мы сами себя загнали сюда. Доказать это некоторым невозможно. И получается, что я как бы становлюсь защитником системы со стороны работников администрации.

На зоне не просто отстаивать свою точку зрения. Но меня трудно переубедить, потому что прошел много жизненных университетов. И даже здесь не перестаю работать над собой. Окончил заочные юридические курсы для заключенных. И теперь помогаю людям, которые оказались осужденными несправедливо. Начинаю разбирать уголовное дело, и такое ощущение, как будто передо мной кочан капусты. Обвинение из кочана превращается в кочерыжку. К сожалению, все это очень тяжело продвигается. Но все равно есть положительные результаты.

Кто-то уже на воле. Кому-то скостили срок. Для меня это большое удовлетворение. И благодарен зоне, что ценят мой труд, уважают. Доброе отношение чувствую и со стороны администрации. Меня как-то стильно не тревожат. И я ничего к ним не имею, ведь они исполняют свои функции. У нас паритет. Раньше работал нарядным, заведовал отделом промзоны, был завхозом. Когда сильно приболел, по состоянию здоровья перевели на более спокойную работу – в библиотеку.

Вот так и живу. Часто вспоминаю наставление отца Сергия о том, что не стоит думать о прошлом. Надо просто молиться, просить у Бога прощения и идти своей дорогой. На все воля Божья. А нести свой крест, как бы он ни был тяжел, Господь помогает каждому человеку. Эти простые, но мудрые слова прибавляют сил и поднимают дух.

Записал

Виктор БАЗИЛЕВСКИЙ.

Перед вами - крик души несовершеннолетних арестантов из детских исправительных учреждений. Они получили страшный жизненный опыт. Брошенные на произвол судьбы, эти малолетки были вынуждены как-то выживать в страшном, бездуховном мире своих семей, где процветали равнодушие, пьянство, жестокость. Они выжили, но это стоило им свободы.

Может быть, эти пронзительные свидетельства социального неблагополучия нашего общества заставят задуматься читателей о судьбе тех, кто пока еще рядом с нами, но может легко оказаться за решеткой. Возможно, найдутся люди, способные изменить что-то в устройстве государства, которое обрекает детей на ужасные страдания. Будем помнить, что нельзя осчастливить все человечество, если при этом будет пролита хотя бы одна слеза ребенка.

ДЕТИ пишут о тюрьме

Плохого в моей жизни было много

Плохого в моей жизни было много, и почти ничего хорошего. Семья моя неблагополучная, отца посадили, когда мне было 6 лет. С восьми лет я начал курить, общаться с такими людьми, от которых ничего хорошего не стоило ожидать. С 10 лет я начал пить водку, в 12 меня поставили на учет в милиции. Первая судимость в 14 лет. Дали мне тогда 2 года условно. А брата посадили, так как у него уже была вторая судимость. Но я продолжал воровать, часто не ночевал дома. Потом нас поймали. До суда меня закрыли в СИЗО: в милиции боялись, что я могу сбежать из дому. Мне дали 2 года 3 месяца общего режима.

Так вот сложилась моя жизнь, хорошего в ней почти ничего не было. И, как мне кажется, не будет даже и после освобождения.

Андрей П.

А Мама рвалась, как голубь в клетке

Этот день - день моего ареста - я никогда не забуду!

Еще накануне я знала, что меня арестуют. Я просто уже смирилась с этим. Утром в 11 часов мы с Мамой пришли в милицию... Мама очень надеялась, что меня простят, дадут последний шанс, и мы вернемся домой...

Все произошло очень быстро, я даже не успела крикнуть - "Мама!". Стояла, как каменная - делай со мной, что хочешь. Просто смотрела в глаза Мамы, глаза, наполненные слезами, болью, печалью. Я читала в ее глазах молитвы.

Ее не подпустили ко мне, ее держали... А Мама рвалась, как голубь в клетке, когда меня стали уводить.

И все-таки она вырвалась, и обнять, и поцеловать меня смогла. А я шла молча и даже не смогла обернуться назад. Боялась увидеть ее умоляющие глаза. Я больше никогда в жизни не хотела бы увидеть такие глаза Мамы.

Вот такой и меня был день, который я запомнила на всю жизнь.

Лена С.

С нами обращались, как с собаками

Первый день на этапе я провела ужасно, так как с нами обращались, как с собаками, когда из ИВС отправляли в СИЗО. Нас посадили в автозак и повезли к "столыпины", в автозаке было темно, было душно и грязно, а когда нас загружали в вагон, то швыряли, как ненужные вещи, а кто шел медленно, того били дубинками по спине. Вокруг меня решетки, и в этих решетках сидят десятки заключенных ребят, которые, как дикие, кидаются на сетки и расспрашивают тебя обо всем. Было впечатление, что ты попала в джунгли, и это осталось у меня на всю жизнь.

В тройнике нас было много, очень тесно, а ехать в поезд приходилось много времени, очень хотелось есть, спать, помыться. В туалет выводят один раз, а некоторый конвой не выводит вообще, и де-

вушки писали в бутылки и в кульки, это издевательство. В тройник нам засыпали сухую хлорку, и весь путь мы дышали ею.

Этап - это ужасный путь, и чтобы его пройти, нужно мужество. Это очень сильно влияет на психологию человека, человек ожесточается еще хуже. Я прошла через все это, и никто не мог мне помочь и заступиться.

Тамара Ч.

Два года - из-за четырехсот рублей

Когда открыли дверь в камеру и я зашел в это ужасное помещение, для меня было все дико: грязные стены, везде паутина, клопы, тараканы и тусклый-тусклый свет, а в углу сидели двое обросших мужиков и пили чай. Они попросили вытереть на пороге ноги и проходить к ним, но я как вкопанный стоял минут десять и не мог поверить, что теперь мне придется сидеть 2 года из-за четырехсот рублей. Я думал, что все кончено, но те двое успокоили меня, дали закурить, накормили меня, подбодрили на какое-то время.

Я долго не мог успокоиться, все вспоминал волю перед тем, как меня закрыли. Я должен был через два дня ехать в г. Тверь в цирк на выступление с воздушной акробатикой и постоянно ругал себя, что так подвел тренера. Переживал за родителей и сестер, а через два дня ко мне пришла мать на свидание, где я успокаивал ее, говоря, что все будет нормально и что ей лучше смириться, и после беседы с матерью я серьезно настроился в первый и в последний раз отсидеть свой срок.

Владимир К.

Самое ужасное - разлука с родными

Я нахожусь в заключении вот уже почти десять месяцев, и за это время ни разу не видел кого-нибудь из своих родных или близких мне людей. Я считаю, что это самое ужасное, когда ты лишен возможности увидеться с близкими. У меня нет такой возможности, из-за того, что у моих родителей, можно так сказать, финансовое положение в семье не совсем в порядке. Из-за чего я здесь и нахожусь.

Я знаю, что моя Мама и Папа отдали бы все на свете, чтобы я поскорее вернулся домой, или хотя бы чтобы увидеть меня, но все упирается в деньги. Мои родители не алкаши, не пьяницы и уж тем более не наркоманы. Они просто уже на пенсии, то есть живут на одну пенсию и не могут зарабатывать деньги, а ведь еще надо не только себя обеспечить, но и старенькую бабулю, и меня с братом. А вообще у нас в семье тринадцать человек, не считая маленьких детей, моих племянников, из-за которых я и пошел на воровство. Потому что они, то есть мои племянники, плакали и просили хлеба. Так вот, самое ужасное для меня - это то, что когда тебя лишили свободы, то еще разделили от твоих близких, и теперь я им не могу ничем помочь.

Конечно, закон наш суров, но я его не вино.

Когда я выйду, я больше не буду воровать, а буду работать, и тем самым буду помогать своей семье. Самое ужасное, что я узнал в заключении, это то, что я не могу без своих близких, то, как я их люблю. Надеюсь, что половина заключенных чувствует те же самые чувства, что и я.

Сергея К.

У меня вообще не было счастья

Каждый человек имеет право на счастье. Но это не зависит от самого человека. Вот я думаю, что у меня вообще не было счастья, потому что никогда не было своего дома.

Родители у меня пили. Напьются: отец на мать начинает поднимать руку. Мне было всего 10 лет, когда я стала заступаться за мать. Когда мне исполнилось 11 лет, отец добрался до меня. И жизнь превратилась в сплошной ад. Когда мне исполнилось 12 лет, мать умерла. После этого я вообще старалась не бывать дома, так как отец стал еще больше пить и приставать ко мне...

В тюрьму я попала за украденные ботинки, которые мне мог бы купить отец. Он получал на нас шестерых пособие. И все пропивал. Я думаю: были бы у меня нормальные родители, я вряд ли попала бы сюда. Ладно, пусть бы пили, но можно же своих детей одеть нормально, чтобы им было в чем ходить...

Освобожусь, буду поднимать младших братьев, чтобы они не пошли по моему пути. Как бы не было трудно, но своим братьям я буду помогать. Конечно, я еще не знаю, что меня ждет на воле. Особенно дома. И кто, как меня там встретит? Сюда мне из дома не пишут. И не помогают.

Я очень рада, что в колонию попала. Конечно трудно, но ничего не поделаешь. Здесь я поняла, что мне можно, а чего нельзя. Научилась прислушиваться к людям и уважать людей.

Помоги мне Бог в моей жизни.

Люда Ч.

Кроме Бога у меня сейчас никого нет

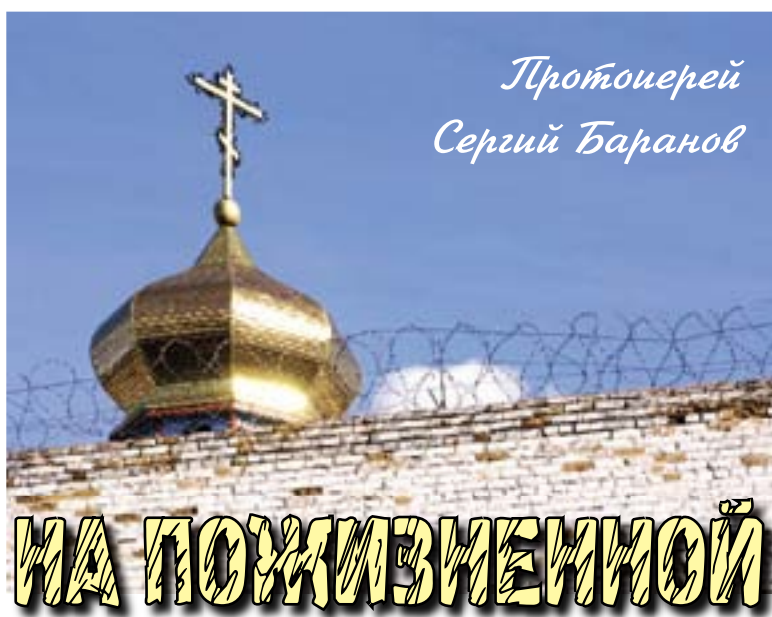
Здесь я стал очень злым и некультурным человеком: каждый день с кем-нибудь ругаюсь. Мне очень бы не хотелось ни с кем ругаться, но меня заставляют своим характером другие воспитанники.

Я болею гепатитом-С. От того, что здесь дают в столовую, у меня очень болит печень. Можно сказать, что я инвалид: бегать не могу - задыхаюсь, посмеяться и порезвиться с другими воспитанниками - тоже, так как резких движений делать боюсь.

Здесь не так, как на воле. Сладкого я не видел более двух месяцев, хотя очень хочется конфетку или печенючку. Мама ко мне не едет, так как очень далеко, а денег у нее нет. С каждым днем мне все хуже и хуже. Я уже не могу смотреть на людей в форме, на эти страшные колючки. И мне очень хочется домой. А сидеть мне еще целых два года.

И как я буду их сидеть, я не знаю. Если только надеяться на самого близкого человека - это на Бога. Кроме Бога у меня сейчас никого нет. И если бы я в Него не верил, я бы уже не жил.

Максим Х.

(орывки)

На большие праздники - Рождество, Пасху - я всегда привожу в зону подарки. Иду в тюрьму, раздаю по камерам сладости, чай, иконки, молитвословы, крестики. В этом году на Рождественский праздник хожу по камерам, поздравляю, вдруг крик на весь продол:

- Прекратить раздачу!

В тюрьме, если воры сказали, никто ничего не возьмет. Смотрю в конце прохода суета, крики, шум. Оказывается, кого-то из блатных администрация ударила дубинкой по спине за наглость, за нехорошее поведение. И вот, смотрящий и несколько блатных подняли крик, шум. Я подошел. Смотрящий в мою сторону кинулся:

- Отец, смотри, как права человека нарушают, как нас тут избивают!

И кричит, и ноет, на спину показывает:

- Вот сюда ударили, больно!

Я обалдел. Извините, другого слова не подберу к ситуации. Эти авторитеты - настоящие мужики, как они себя считают. И вдруг: крики, сопли, права человека... Я стоял и думал: «А вспоминал ли ты - смотрящий, права человека, когда сам бил, унижал, обманывал, грабил, оскорблял, ...и ты делал это, наверняка, даже сегодня, вчера, ... всю жизнь. Замолчи лицемер! Не позорься, будь мужиком».

Однажды приехал исповедовать в СИЗО. Сотрудник спрашивает:

- Вам какую камеру открыть?

Я говорю:

- Три, один.

Охранник удивляется:

- Батюшка, а почему Вы сказали не «тридцать один», а «три, один»?

- Да ведь здесь все так говорят. И «кабура» знаю, и «малява».

Я за время посещений незаметно для себя перехватил некоторые их слова. А заключенные, отбывая срок, перенимают сами понятия жизненные: они начинают понимать так, чувствовать, жить. Как трудно потом все это переменить, сломать, перестроить. Оно тянется за многими всю жизнь.

На женском «продоле», который по злой иронии в СИЗО называют «монастырь», я познакомился с заключенной. Лида ее звали, а мальчика ее, маленького сынишку - Славик. Его отдали в детский дом, когда ее посадили. Она скулила как избитая собака дворняга:

- Я ведь без него спать не ложилась. Мы всегда были вместе, вдвоем. Не могу без него, хоть бетон грызи и решетки. Сожитель искал наркотиками торговать. Дела хотела поправить. Только на время. Какое там «на время». Уговорил раз уколоться, другой, засосало. Теперь с сожителем подельники, а Славик, при живой мамке в детдоме.

...Я ездил к нему, нашел. От мамки игрушку передал, шоколадку:

- Не забывай маму, она скоро за тобой придет...

Сфотографировал. Глаза у мальчонки грустные. Ей фотографию привез: помнит тебя, ждет. А недавно узнал, не забрала она его. Отметила освобождение и пошла в разгул.

...Трудно переменить жизнь после зоны. Будто весь перепачкался. За раз не смоешь.

Как же нам выбираться из этого дерьма? Я, говорю нам, потому что и мы «благополучные» боеем. Только у них обострение, а у нас помягче. Но по большому счету в каждом из нас, там - внутри есть предрасположенность к предательству. Я как-то на проповеди в зоне сказал:

- Все вы, ребята, предатели.

Зашелестели ЗЭКи:

- Ты уж, отец, не перегибай!

- Что, не согласны? Сейчас я вам разложу все по смыслу. Кто из вас мать родную не предавал? Чья мать не плакала? У какой из них не болело? Есть такое? А жена - бедная девчонка, - которой ты когда-то говорил люблю, в ЗАГС на руках вносил, сколько раз ты ее предавал, обманывал, оскорблял? Дети твои при живом отце сироты. Им ведь много не надо, чуть-чуть ласки, внимания. Но тебе и на воле некогда было, а

теперь уж совсем. И Родину ты предавал. Сколько бы ты мог полезного сделать, а теперь сидишь тут, дармоед, ничего не делаешь. А Родина тебя кормит, охраняет, барак твой топтит.

...Как же выбраться из всего этого? Никакие карательные меры не помогут, будет только хитрей, извращенней. Любовь нужна. Нет, я сейчас не о милосердии к нему, не о снисходительности. Сейчас не об этом, полюбить должен он сам. Полюбить, и ради этой любви, чтобы не потерять ее, не лишиться, очень захотеть измениться. Так человек может полюбить женщину и ради нее начать изменяться, преображаться...

У меня в зоне был случай, когда человек-ЗЭК, полюбил Христа. Не учение, не философию, не обряды, а Самого Христа. Как Личность. Как Бога. Как Свет против своей грязи и ничтожества. Он стал ходить в храм, молиться, читать, исповедоваться, очень искренне причащаться. И стал постепенно изменяться. Он радовал меня. А один раз очень удивил. В очередной мой приезд ребята встретили новостью - Денис ушел в «обиженные». Сам ушел.

Если кто знает, что такое в зоне «обиженные», может понять всеобщее недоумение. Обиженные - это те, которых общество в зоне извергло из себя. Там это - не люди, это - псы помойные. Любимый может пнуть, оскорбить. Их презирают, их гнушаются, никогда не подадут руки и не будут пить из одной чашки. Как прокаженные они.

Так вот, Денис сам ушел к ним и стал так жить.

- Денис, зачем ты так поступил? Почему? - спрашивал я.

- Батюшка, я очень искренне полюбил Христа. Христа, который заповедовал мне всех любить одинаково, не делить. Поэтому я не смог, совесть не позволила гнушаться обиженными. Если их Господь любит так же, как любого другого.

Что я мог ему сказать? Помогите тебе Бог! Он был намного выше меня. Потом, через полгода, уже перед освобождением я спросил его:

- Денис, как ты сидел это время?

- Знаете, батюшка, Господь меня как будто покрывал. Ни один человек не только не обидел меня, даже не оскорбил. Я ходил среди них, и как будто меня не было, никто не замечал.

Теперь он освободился и уже шестой год в монастыре монах, и не только в зону не собирается, а и в мир не хочет. Ведь в мире тоже много грехов...

Андрей Коновалов

Я эту истину до боли осознал...

Я не разбойник был, не хулиган
И не маньяк жестокий и ужасный,
Но почему-то гражданин судья
Сказал во гневе:

«Он общественно опасный!»

За этим всем последовал арест,
Наручники, решетка, заключение...
И я не знаю - долго или нет
Продлится это злое приключение.

Не первый год я мучаюсь в тюрьме
И соблюдаю все ее законы.

Душой и телом я познал оковы
И камеру, где солнце не видать,
Лишь полумрак, решетки и засовы...
Хотя, я вру, нас водят погулять:

«За спину руки!»,
«Стой!», «Не пререкаться!»

Нельзя ни говорить, ни улыбаться...

И как был прав, кто некогда сказал:
«Ни от сумы, ни от тюрьмы
Не зарекайся!»

Я эту истину до боли осознал,
Как волю Божию,
Как глас Его: «Смирись!»

Услыши, Господи!

Спаси, сохрани меня, Господи,
И душу очисти мою!

Прости мне мои согрешения,
Ведь я Тебя, грешный, люблю!

В грехах я увяз не намеренно,
Хотел бы я их искупить,
Взываю к Тебе о прощении,
Дай силы мне праведно жить!

ЖИЗНЬ
во Христе

Ответственный за выпуск
протоиерей Сергей БАРАНОВ.
Редактор Татьяна БАЗИЛЕВСКАЯ.

Адрес для писем: 462419 г.Орск,
ул. Ленинского Комсомола, 2.
Тел. редакции 25-07-66
orskpr@mail.ru

Газета издается с 1996 г.,
выходит два раза в месяц.
Отпечатано в ООО "Орскпресс".
Объем 2 п. л. Тираж 3000 экз.

Дорогие братья и сестры!
Просим не использовать газету
для хозяйственных целей.
Если она стала вам не нужна,
пожалуйста, подарите ее
знакомым или отдайте
в любой православный храм.

Подписка по всей Оренбургской области. Индекс 35693.

Дорогие братья и сестры! Газета "Жизнь во Христе" нуждается в вашей поддержке.
Просим ваших молитв и, по возможности, финансовой помощи. Спаси, вас, Господи!